

Пустой коридор. Тьма, в которую слабо просачивается водица рассвета. Пенопластовые квадраты потолка, пыльные плафоны.

Летаю под потолком, откуда-то зная, что это обветшавшая редакция журнала, и даже знаю какого. Внезапно рядом обнаруживается кто-то, тоже парящий, которого сразу узнаю, хотя он и призрачен. Вспоминаю краем сознания: в старости он увлекался левитацией, пробовал парить. Его чуткий прищур, морщины, волчьи уши скорее чувствуются, чем различаются. Но и я сейчас призрак...

Резко сближаемся, как два больших мотылька, и внезапно он сжимает мне руку. Сжав, энергично трясет. У него совсем не бесплотное – крепкое жилистое пожатие.

Пробуждение. За окном светает, в углу комнаты под серебристой мишурой сумрачная пирамида елки, и нет никаких сомнений, что действительно только что случилась эта встреча – в каких-то десяти улицах и ста крышах отсюда.

Сон на исходе одной из ночей между Новым годом и Рождеством.

А спустя несколько месяцев позвонили из той самой редакции, позвали работать главным редактором. – Вы же написали книгу про Катаева, почему бы вам не заняться его журналом...

Все это время, что здесь работаю, не оставляет чувство невесомости и таинственной предопределенности, словно все происходит немного помимо воли, в тонком предутреннем сне.

Но кажется, и та вдохновляющая, жесткая, воинственная рука не отпускает мою руку.

Иногда хочется остаться в редакции одному на ночь. Листать пожелтевшие крошащиеся номера (которые бережно оцифровываем и вывешиваем у нас на сайте), а ближе к рассвету, когда глаза начнут слипаться, погасить свет в кабинете и выйти в темный коридор. Привалиться к стене, запрокинуть голову к призрачно белеющему из мглы потолку или просто смежить веки.

Вдруг дальше что-нибудь случится. Скучаю по продолжению встречи.

А «Юность» – то, вы же сами видите, уж точно продолжается.

Сергей Шаргунов